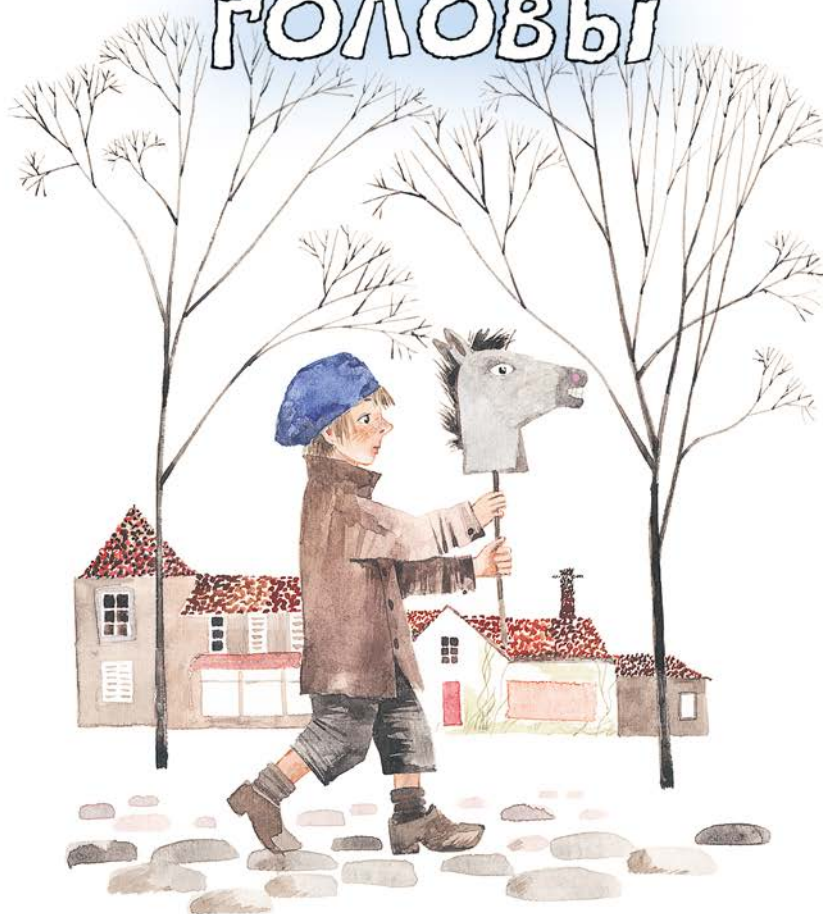

Толь Берна

ЛОШАДЬ Без ГОЛОВЫ

МОСКВА
«ЛАБИРИНТ ПРЕСС»
2022

Чудесный четверг

Вся компания собралась, как обычно, под предводительством Габи на верхнем конце холмистой улицы Маленьких Бедняков, перед домом, где жил Фернан Дуэн. Десять ребят садились по очереди на лошадь без головы и мчались вниз. А внизу проходила дорога Чёрной Коровы. Тут всадник соскакивал наземь и, ведя лошадь за собой, быстро возвращался к товарищам. Те ждали его с нетерпением. Однажды маленькая собачница Марион, спускаясь этак на лошади, сшибла какого-то старика. С тех пор было решено ставить внизу малыша Бонбона: он задерживал прохожих и предупреждал товарищей, когда приближался транспорт. Лошадь катилась на своих трёх железных колёсах со страшным шумом. Это бывало чудесно! Чем ближе к дороге Чёрной Коровы, тем опаснее. Но именно это и придавало всему катанию особую прелесть. Внизу, у самого спуска, лошадь неожиданно взлетала на небольшой бугорок и с разбегу падала прямо на откос участка Пеке, позади которого начинались голые, серые поля.

Две секунды всаднику казалось, что он летит по воздуху. Если вовремя не затормозить пятками, то сразу кубарем — и хлоп со всего

размаха о мостовую. У ребят это называлось «спланировать». Каждый раз, когда лошадь падала, её пустые бока ударялись о камни и издавали глухой звук. Туго ей приходилось, этой бедной лошадке!

Вот уже год, как она принадлежала Фернану. Один старьёвщик из квартала Бакюс уступил её отцу Фернана за три пачки табака.

Утром, в день Рождества, Фернан проснулся и увидел рядом со своими башмаками лошадь. Целых пять минут он не мог произнести ни слова: парень онемел от восторга. Хотя восторгаться, собственно говоря, было нечем: у лошади уже и тогда не было головы.

Морда, которую смастерил из картона отец Фернана, не продержалась и двух дней. Марион сломала её в первое же своё катание: она со всего разгона налетела на тележку старика Мазюрье, торговца углем с улицы Сесиль.

Лошадь свалилась в канаву. У неё здорово пострадали передние ноги. А задние были совсем переломаны. О хвосте и говорить нечего — хвоста никогда не было. Было только туловище — серое в яблоках, с маленьким коричневым седлом, нарисованным на спине. Но краска облезла. Разумеется, у этого старого трёхколёсного рысака не было также ни педалей, ни цепи. Но ведь так не бывает, чтобы имелось всё. В таком виде старьёвщик её и продал.

И всё же эта лошадка неслась на своих трёх колёсах вниз по улице Маленьких Бедняков, прямо-таки как зебра какая-нибудь.

Завистники с улицы Ферран уверяли, что этот обрубок можно с таким же успехом называть не только лошастью, но и ослом, и даже поросёнком. И лучше всего поросёнком. Завистники говорили, что ковбоям с улицы Маленьких Бедняков нечего задаваться своей безголовой свиньёй, что рано или поздно они сломают собственные головы и что так им и следует.

Надо сознаться, что первое время дрессировка безголовой лошади давалась довольно-таки трудно. Фернан сильно разбил колено о забор

пакгауза Сезара Аравана, а Марион оставила два зуба в туннеле Понсо. Было очень больно. Но колено зажило через три дня, а новые зубы выросли через две недели.

Лошадь продолжала мчаться, и мчалась отлично, как и надо было ожидать от лошадки, живущей в железнодорожном посёлке, где все здоровые мужчины только тем и заняты, что заставляют мчаться поезда.

И наконец, именно благодаря лошади Фернану удалось добиться того, чтобы в компанию была принята Марион. А компания, где вожаком был Габи, считалась самой недоступной из всех тайных организаций на Лювиньи-Сортировочной.

После долгих и трудных переговоров было решено пользоваться лошадью один раз в день; и каждый будет иметь право прокатиться не больше двух раз, чтобы не переутомлять её. Считали, что даже при такой небольшой нагрузке лошадка долго не протянет — самое большее до Пасхи. Однако, несмотря на страшнейшие испытания, лошадь держалась и продолжала во весь опор носиться по улице Маленьких Бедняков. Габи, проделывавший весь спуск без торможения, довёл свой рекорд до тридцати пяти секунд.

Занятие этим редким и рискованным спортом сильно укрепило дружбу, которая и раньше объединяла всю компанию. Габи сознательно

ограничил число членов и не принимал никого старше двенадцати лет. Он утверждал, что «достигнув двенадцати лет, человек становится круглым дураком, и ещё хорошо, если не на всю жизнь». Скверно было то, что предельный возраст подкрадывался и к самому Габи, и парень втайне мечтал продлить его до четырнадцати лет, чтобы получить маленькую отсрочку.

Под насмешливыми взглядами товарищей начал спускаться с горы Татав, старший брат малыша Бонбона.

— Он тяжёлый — ему нельзя позволить спускаться больше одного раза, — заметила Марион. — Когда-нибудь этот толстяк совсем раздавит лошадку и погнёт колёса.

Внизу, метрах в пятидесяти, стоял Бонбон и смотрел, что делается на улице Сесиль. Вот он помахал обеими руками — значит, путь свободен. Татав промчался метеором, держась за ржавый руль.

— Он большой и тяжёлый, и никогда он не проедет лучше, чем Габи, — сказал испанец Жуан, пожимая плечами. — К тому же у Татава поджилки трясутся: он начинает тормозить за двадцать метров от Чёрной Коровы... Когда-нибудь надо будет привязать ему ноги к рулю и так спустить вниз...

Улица Маленьких Бедняков описывала в своём нижнем конце длинную петлю. Ребята ждали.

Ждать пришлось недолго. Они услышали громкий звон разбитого стекла, пронзительные крики, град ругательств и отчётливые, сухие звуки шлепков.

— Так и есть! Татав на кого-то налетел! — проворчал Габи, стиснув зубы. — Этого толстяка посади верхом на тюфяк, он всё равно что-нибудь натворит!

— Пойдём посмотрим, — предложил Фернан, обеспокоенный судьбой лошади.

— Внизу остались Зидор и Мели, — сказала Марион. — Они и без нас помогут ему...

Габи машинально огляделся: кроме собачницы Марион, Фернана и Жуана здесь были Берта Геден и негритёнок Крикэ Лярикэ из Бакюса.

— А всё-таки дойдём до улицы Сесиль, — сказал Фернан. — Нельзя их оставить одних: а вдруг там беда...

Дойдя до перекрёстка, они увидели, как из-за угла медленно выходили Зидор и Мели. Зидор Леш тащил за руль несчастную лошадь, которая передвигалась уже только на двух колёсах. Весь красный от волнения, Татав шёл рядом с ним, немного прихрамывая; у него в руках было третье колесо. Амели Бабен замыкала шествие и беззвучно посмеивалась, растянув рот до ушей. Время от времени она оборачивалась и смотрела вниз, на улицу Маленьких Бедняков, где чей-то голос продолжал надсаживаться от крика.

— У него привычка тормозить когда не надо! Неудивительно, что он напоролся на неприятность! — крикнул Зидор, подойдя ближе. — Папаша Зигон вёз свою тележку с бутылками, а Татав как раз и вылетел из-за поворота. Я стою, не двигаюсь — знаю, что у него достаточно времени, чтобы проскочить. Но не тут-то было! Татав круто тормозит обоими задними колёсами и — трах! — прямо в тележку.

Мели ликовала. Её худенькое личико было обвязано чёрным платком, из-под которого виднелась аккуратно расчёсанная светлая чёлка.

— Ох и спланировал наш Татав! Ох и спланировал! — восторгалась она. — Он бомбой пролетел через колючую проволоку Пеке. Ей-богу! Папаша Зигон только глаза вылупил!

— Старика-то не ушибли? — спросил Габи.

— Нет, но ему разбили две дюжины бутылок, и он ругается.

— Принесём ему пять дюжин завтра вечером, — сказала Марион. — Их там до черта, в яме за пакгаузом. Никто этого места не знает.

У Татава был глубокий порез под левым коленом и штаны перепачканы в жёлтой глине.

— А, чтоб тебе, чтоб тебе!.. — растерянно повторял он.

Наконец он с жалким видом протянул колесо Фернану, а все остальные стали осматривать лошадь.